DOI: 10.31249/ape/2024.04.03

Манойло А.В.[1]

Особенности противостояния США и КНР в информационной сфере в контексте современных гибридных войн

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности соперничества (столкновения интересов) двух великих держав – Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики – в сфере ведения информационных и гибридных войн, в которой одним из влиятельных игроков является также и Российская Федерация. Автор отмечает, что США фактически ведут гибридную войну на «два фронта». В отношении Китая ключевыми инструментами стратегии гибридного противостояния становятся санкционная политика и связанные с ней инструменты внешнеполитического давления и шантажа; дезинформация, в фокусе которой оказываются в основном «проблемные» для КНР регионы – Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет и Гонконг; материальная поддержка антиправительственных групп, занимающихся подрывной деятельностью. В отношении России гибридная война, развязанная США и их союзниками, опирается на широкий арсенал сил и средств информационных операций, применяемых в контексте развития ситуации на Украине, где с 2022 г. Россия проводит Специальную военную операцию (СВО), а Китай поддерживает позицию РФ. В статье указано, что ведущие страны мира – США, КНР, РФ – уже имеют собственные стратегии ведения гибридных войн, которые активно используют при реализации*

[1] **Манойло Андрей Викторович** – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН; cyberhurricane@yandex.ru ORCID: 0000–0002–8142–9110

своей внешней политики. США в вопросах ведения гибридных войн преимущественно опираются на концепцию Ф. Хоффмана и Дж. Мэттиса, Россия – на так называемую «доктрину Валерия Герасимова» (начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации), а Китай – на автохтонную концепцию «неограниченной войны» Цяо Ляна и Ван Сянсуе, генералов Народно-освободительной армии Китая (собственную оригинальную разработку 1999 г., имеющую преимущественно общефилософский и мировоззренческий характер), которую Китай пытается комбинировать с перенимаемым у РФ и США практическим опытом. В целом же следует отметить, что, даже не имея собственного опыта наступательных операций в информационной сфере, Китай при поддержке России на современном этапе достаточно эффективно сдерживает гибридную агрессию «коллективного Запада».

Ключевые слова: *неклассические войны, гибридные войны, иррегулярные войны, информационные войны, США, Китай, страны «коллективного Запада».*

В последнее время все чаще можно услышать, что «коллективный Запад» развязал против России и ее стратегического партнера – Китая – беспрецедентную гибридную войну. Об этом заявляют президент Российской Федерации В.В. Путин, министр иностранных дел С.В. Лавров, бывший директор ФСБ России и секретарь Совета Безопасности Российской Федерации (2008–2024) Н.П. Патрушев. Это действительно так: гибридная война есть полноценная военная стратегия, ставшая «точкой сборки» и «зонтичным брендом» для различных видов вооруженного и невооруженного противоборства – традиционных военных действий, информационной, когнитивной, кибернетической, экономической, дипломатической, торговой и санкционной форм войны [Го, 2024 а, с. 3–4]. Современная гибридная война предполагает комбинированное использование различных методов ведения войны, как кинетических, так и некинетических, в условиях классических войн и специальных военных операций, где соблюдаются (хотя бы частично) законы и обычаи войны, и в операциях в «серых зонах», где они не действуют. Все это делает гибридные войны чрезвычайно опасным инструментом конфронтации, способным подавить сопротивление противника, не прибегая к классическим (вооруженным) методам силового принуждения.

Весьма важной составляющей современной гибридной войны является информационная война, предназначенная для подавления и подчинения воли противника. В информационных войнах, как правило, противника физически не уничтожают – его превращают в послушного исполнителя чужой воли, внушая, что это и есть истинная цель его существования. Выработавших свой ресурс пособников (агентуру спецслужб, «добровольных помощников»), как правило, утилизируют.

Современные информационные войны представляют собой особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций, сопровождающихся применением информационного оружия – специального класса технологий, предназначенных для поражения психики человека, в том числе через скрытое управление его высшей нервной деятельностью. Отсюда следует, что информационные войны бывают только в отношениях между государствами (в сфере международных отношений и внешней политики) и никогда – в политике внутренней (исключение составляют гражданские войны и цветные революции). При этом цель любой информационной войны полностью совпадает с целью войны классической – обеспечение военного поражения противника.

В свою очередь, информационные операции представляют собой оперативные действия спецслужб на каналах открытых телекоммуникационных сетей. Это операции разведок, использующих (в различных комбинациях) четыре основные группы методов:

1) классические методы оперативной и агентурной деятельности;

2) оперативно-технические методы;

3) оперативно-розыскные методы;

4) технологии информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан (включая технологии скрытого управления сознанием и поведением человека и каналы доведения управляющего информационного воздействия до целевых аудиторий).

На практике на новейшие методы и технологии информационного воздействия приходится не более 20% от всего объема операций; таким образом, по своей сути «информационные операции» только называются информационными; по методам проведения

они по-прежнему остаются классическими разведывательными операциями, которые могут закончиться и физическим устранением (ликвидацией) объекта разведывательного интереса – в том случае, если он не поддается управляющему воздействию и не желает добровольно подчиниться. В современном мире информационные операции продолжают быть полем боя «рыцарей плаща и кинжала», способных «достать» противника точным ударом, – стилетом в сердце или в печень, сильнодействующим ядом или постом в телеграмм-канале.

Тактика современных информационных операций, при всей ее кажущейся сложности и непостижимости, на самом деле чрезвычайно проста: «зацепить» объект воздействия (в качестве которого, как правило, выступает лицо, облеченное высшей государственной властью), «вывести» его на эмоции и заставить под влиянием этих эмоций метаться в поисках выхода или спасения. Если жертва начинает метаться, ее ловят на неизбежно совершаемых ею ошибках и еще сильнее «затягивают удавку на шее». Если жертва впадает в ярость и начинает активно отрицать, попутно оправдываясь, свою причастность к приписываемым ей действиям или вскрывшимся фактам, ее последовательно ловят на лжи, загоняя в угол, выход из которого может быть открыт только на условиях «загонщика». По данной схеме сегодня построены все без исключения информационные операции США, включая операции, проводимые «под чужим флагом»; этому же принципу стремятся следовать и российские специалисты, разработавшие на этой платформе собственную тактику проведения информационных операций и контроопераций – так называемую тактику «работы в условиях неожиданных вводных». Данная тактика, появившаяся в арсенале российских специалистов всего около 6–8 месяцев назад, уже прошла успешную апробацию «в полевых условиях» (в прямом соприкосновении с противником); при определенных условиях она превосходит американскую (хотя родственна ей по базовым принципам и приемам ведения информационной войны) и позволяет переигрывать разведки США на их собственном поле. Сама же тактика «неожиданных вводных» заключается в том, что противник не должен быть в состоянии предугадать, с какого именно направления будет нанесен очередной информационный удар и каким он будет; каждый новый удар должен быть для него полной

неожиданностью и всегда заставать врасплох; ни один новый удар не должен быть похож на предыдущий; все это вместе взятое должно постоянно держать противника в напряжении и растерянности.

Современные концепции гибридных войн России, США и КНР

Ведущие страны мира – РФ, США, КНР – уже имеют собственные стратегии ведения гибридных войн. Так, у США концепция гибридных войн появилась еще в 2005 г. [Hoffman, 2007; Mattis, Hoffman, 2005] и получила распространение в военной и экспертной среде в начале 2010-х годов [Hybrid warfare..., 2010] – это концепция Ф. Хоффмана и Дж. Мэттиса. Концепция гибридной войны (изначально – публицистический термин) оказалась в центре внимания военных специалистов США и вошла в официальные документы (концепции, доктрины, стратегии) США и НАТО [Данюк, 2018]. Так, известный исследователь гибридных войн Фэнли Го указывает [Го, 2024 б, с. 8], что проникновение новых идей и концепций ведения войны в «головы» высокопоставленных американских военных способствовало тому, что в Стратегии национальной обороны США 2005 г. [The National defense..., 2005] понимание военных угроз было расширено и в их число включены угрозы гибридного типа, а в Четырехлетнем обзоре оборонной политики США 2010 г. [US Quadrennial..., 2010] теория гибридных войн была признана частью официальной военной стратегии США. В 2014 г. тема гибридных войн прозвучала в коммюнике по итогам Уэльского саммита НАТО: впервые на столь высоком официальном уровне говорилось о необходимости готовить Альянс к участию в гибридных войнах нового типа, подразумевающих «проведение широкого спектра прямых боевых действий и тайных операций, осуществляемых по единому плану вооруженными силами, партизанскими и иными иррегулярными формированиями при участии различных гражданских компонент» [Wales Summit..., 2014]. В 2015 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в своем ежегодном докладе призвал Альянс готовиться к гибридным войнам нового типа: «НАТО разрабатывает стратегию противостояния гибридным угрозам и действиям в условиях гибридной войны, включающей широкий диапазон прямых и непрямых (скрытных)

военных, полувоенных и гражданских акций, направленных на уничтожение, повреждение или принуждение» [Secretary General's..., 2016].

Вместе с тем следует отметить, что в США до сих пор нет документа стратегического планирования (официальной концепции или доктрины), специально посвященного гибридным войнам, а сама концепция гибридных войн, теоретический фундамент которой составляют научные работы Ф. Хоффмана и Дж. Мэттиса, хотя используется достаточно часто, все же не является единственным (и общепринятым в США) взглядом на гибридные войны. Термин «гибридная война» широко применяется в официальных документах Министерства обороны США (полевых уставах и военных доктринах), Совета национальной безопасности США, разведывательных ведомств – на оперативном и тактическом уровнях, но в документах стратегического планирования такого понятия нет. Можно считать, что в США концепция гибридных войн существует на «неписанном» уровне – в виде свода основополагающих документов. В таком же виде – «неписанном», т.е. в виде свода документов и стенограмм публичных выступлений, – существует сегодня и американская концепция «когнитивной войны», представленная более чем двумя десятками военных документов США и НАТО (а также и российская концепция гибридных войн, получившая название «доктрина Герасимова», – см. ниже).

Концепция Ф. Хоффмана и Дж. Мэттиса – не единственная в США: даже в пределах сугубо американского подхода существует целый ряд течений, основные положения которых выходят за рамки концепции Хоффмана-Мэттиса. К ним относятся, в частности, концепции компаундной (многосоставной, смешанной, комплексной) войны (*англ.* compound warfare), в том числе ведения боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий, а также концепции военных операций полного спектра (*англ.* full spectrum operations). Обе она близки к парадигме Хоффмана-Мэттиса в понимании природы и специфики гибридных войн, но не дублируют ее.

В Российской Федерации собственная концепция гибридных войн появилась в 2013 г. В США и НАТО она получила название «доктрина Герасимова». При этом в научном сообществе до сих пор продолжаются споры о том, можно ли считать серию выступлений

и интервью начальника Генерального штаба ВС РФ В. Герасимова собственной российской концепцией ведения гибридной войны. Действительно, «доктрина Герасимова» – это термин, появившийся в западной прессе после выступления В. Герасимова в Военной академии Генерального Штаба ВС РФ в феврале 2013 г. и публикации основных тезисов его выступления в газете «Военно-промышленный курьер» [Герасимов, 2013]. С этого момента термин «доктрина Герасимова» стал широко использоваться не только в западной, но и в российской научной литературе: «доктриной Герасимова» стали считать совокупность российских представлений о стратегии и тактике ведения гибридных войн (и о противодействии гибридным войнам противника). Таким образом, российская концепция гибридных войн также существует в «неписанном» виде.

В документах стратегического планирования РФ термин «гибридная война» впервые появляется в 2023 г. – в Концепции внешней политики Российской Федерации, где «гибридная война нового типа», ведущаяся против РФ, названа одной из угроз национальной безопасности [Концепция..., 2023]. Таким образом, в настоящее время этот термин закреплен официально. В принятых ранее Военной доктрине РФ (в редакции 2014 г.) и Стратегии национальной безопасности РФ (2021) термина «гибридная война» нет, однако упоминаются практически все основные формы современных гибридных войн, – информационные войны, цветные революции, санкции, представляющие военную угрозу Российской Федерации и угрозу ее национальной безопасности, – и отмечается комбинированное использование этих тактик и методов в современных вооруженных конфликтах.

В российском научном сообществе заметный вклад в развитие знаний и представлений о современных гибридных войнах внесли работы П.А. Цыганкова [Цыганков, 2015], А.А. Бартоша [Бартош, 2023] и – особенно – К.С. Стригунова, определившего гибридную войну как «вооруженный конфликт, в котором основным инструментом достижения военных целей выступают неинтервенциональные элементы насильственного контроля», т.е. элементы, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил [Стригунов, 2023].

В Китае собственная концепция «неограниченной войны» появилась еще в 1999 г. В экспертной среде КНР эта концепция

рассматривается как восточный (или азиатский) аналог стратегий гибридных войн России и США [Го, 2023; Davis, 2014].

Авторы концепции «неограниченной войны» – Цяо Лян и Ван Сянсуе, генералы Народно-освободительной армии Китая. В своей монографии «Неограниченная война» [Liang, Xiangsui, 1999] они утверждают, во-первых, что существующие представления о войне устарели и требуют коренного пересмотра; во-вторых, что современная война «охватывает всю сферу жизни общества», «ведется без правил, традиций и обычаев», «участники войны пользуются любыми методами», чтобы достичь своей цели; и, наконец, что в боевых действиях необходимо использовать «составную силу во всех аспектах, связанных с национальными интересами», включая даже экстремальные и террористические методы (цит. по: [Го, 2024 б, с. 48]). Как указывает Ф. Го, «в рамках концепции неограниченной войны границы между войной и миром, конвенционными и неконвенционными формами и методами борьбы становятся размытыми, транспарентными, а в некоторых случаях исчезают вообще» [Го, 2024 б, с. 22]. Такой подход фактически снимает запреты на применение неконвенционных методов, накладываемые законами и обычаями ведения войны, выводит гибридную войну за рамки устоявшихся представлений, нормативного регулирования и контроля, – но не предлагает новых, революционных, способов достижения военной победы над противником. Предлагается использовать любые доступные средства для нанесения ущерба противнику, невзирая на моральные издержки или международные запреты и ограничения, в том числе – широко использовать диверсионные и террористические методы из арсенала международных террористических организаций и структур транснациональной и трансграничной организованной преступности; но насколько все это повысит эффективность действий традиционных вооруженных сил, в ряды которых предлагается включить экстремистов, террористов и наемников, авторы концепции «неограниченной войны» не объясняют.

В 2022 г. Китай утвердил Всеобъемлющую концепцию национальной безопасности, представляющую собой стратегическое руководство по противодействию современным гибридным угрозам и защите национальной безопасности КНР [Zǒngtǐ..., 2022]. Данная концепция закрепила понятия «гибридная война» и «гиб-

ридная угроза» на высшем уровне – на уровне документов стратегического планирования. Это, несомненно, важный шаг к созданию в КНР собственной стратегии ведения гибридных войн, отвечающей современным требованиям.

Несмотря на то, что первая концепция ведения гибридных войн – «неограниченная война» – появилась в Китае еще в 1999 г. (т.е. раньше, чем в США и РФ), ее дальнейшее развитие было сопряжено с определенными трудностями: пытаясь наполнить понятие «неограниченной войны» конкретным содержанием, китайские ученые и эксперты вместо разработки собственных решений предлагали «пересказ и поверхностные интерпретации результатов исследований гибридных войн российскими и западными экспертами» [Го, 2024 а, с. 8]. Вследствие этого работы китайских авторов по данной теме имеют, по большей части, фрагментарный характер; «в Китае практически полностью отсутствуют фундаментальные научные работы по тематике гибридных войн» [Ibid.]. Действительно, складывается впечатление, что, по крайней мере, в одной из сфер ведения гибридных войн – в сфере информационных войн и психологических операций – Китай отстает от Российской Федерации на 15–20 лет. Вместе с тем вопрос о том, как долго этот разрыв будет сохраняться, на данный момент остается открытым.

Противостояние США и КНР в информационной сфере

С приходом к власти в США Д. Трампа (2017–2021) Белый дом развернул против Китая полномасштабную гибридную войну. Основными формами агрессии в этой войне стали невоенные составляющие – торговая (санкционная) война, подрывные акции в сфере высоких технологий (критически необходимых для развития китайской высокотехнологичной промышленности), «поощрение сепаратистских настроений на Тайване и в Гонконге и создание новых военно-стратегических объединений в Индо-Тихоокеанском регионе» [Тавровский, 2018]. Для реализации своих агрессивных планов по «сдерживанию» КНР США используют три группы методов: политические, экономические и психологические.

США оказывают политическую поддержку сепаратистам и антиправительственным организациям в Гонконге, Тибете и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР); а также стремятся настроить международное сообщество против Китая, доби-

ваясь его международной изоляции из-за «преследования инакомыслящих». Так, в мае 2020 г. США совместно с Австралией, Канадой и Великобританией опубликовали «Совместное заявление по Гонконгу», выражая «глубокую озабоченность» тем, что Китай подрывает «свободу и автономию» Гонконга (см.: [Joint statement on Hong Kong..., 2021]). А на 47-й сессии ООН в июне 2021 г. по инициативе США в Совет по правам человека было подано «Совместное заявление о ситуации с правами человека в Синьцзяне» [Joint statement on human rights..., 2021].

В экономической сфере, начиная с марта 2018 г., США спровоцировали торговую (санкционную) войну с Китаем. Помимо наложения санкций, призванных сдержать развитие китайской экономики, участились и провокации в отношении китайских компаний: так, в мае 2019 г. Белый дом заявил, что китайский технологический гигант «Huawei» является «угрозой национальной безопасности» США [Shepardson, Freifeld, 2019], и занес эту корпорацию в «черный список» [Trump's blacklisting..., 2020]. Одновременно США развернули беспрецедентную кампанию давления на своих союзников, чтобы заставить их присоединиться к блокаде «Huawei», обвиняя эту корпорацию в работе на китайскую разведку [Wintour, 2020]. Несмотря на то, что европейские страны – участницы НАТО и ЕС убедились в том, что «Huawei» не представляет угрозы их национальной безопасности (и официальные органы Великобритании, Франции и Германии обнародовали свои выводы) [Stubbs, Chee, 2019; German IT..., 2018; Fouquet, 2020]), эти государства присоединились к блокаде «Huawei», пытаясь поддержать своего союзника.

В информационно-психологической сфере в фокусе информационного противостояния США и КНР оказываются СУАР, Гонконг и Тибет. Информационные операции США направлены на подрыв международного имиджа КНР и формирование представлений о «китайской угрозе»; основными инструментами борьбы являются дезинформация и фейки. Так, Агентство США по глобальным медиа (*англ.* US Agency for Global Media, USAGM) заявило, что «успешно» провело серию информационных операций в китайских провинциях Гуандун, Синьцзян и Тибет [Congressional budget..., 2020, p. 59]. В эфире ведущих американских телекомпаний (например, CNN) регулярно появляются сюжеты, рассказы-

вающие о «принудительном труде» (трудовых лагерях), «принудительной стерилизации» и даже «геноциде» населения в СУАР; впоследствии эти утверждения становятся поводом для наложения санкций на учреждения и граждан КНР [Wàijiāo..., 2021].

Одновременно США оказывают поддержку антиправительственным сообществам и группам в Китае. Ф. Го указывает, что в период 1990–2018 гг. американский Национальный фонд в поддержку демократии (*англ.* National Endowment for Democracy, NED) передал около 13 млн долл. на «развитие демократии» в Гонконге [Го, 2024 б, с. 89]; деньги поступили в занимающиеся правозащитной деятельностью неправительственные организации, которые затем «стали организаторами и основными участниками протестных демонстраций» в Гонконге в 2019 г. [Cohen, 2019]. Более того, в 2019 г., на пике «цветной революции» в Гонконге, сотрудники ЦРУ и NED лично участвовали в протестных акциях и даже руководили протестными группами, координируя их деятельность и обеспечивая необходимую слаженность [Wàijiāo..., 2021].

Российский опыт противодействия информационным войнам

Российский опыт ведения информационных войн на сегодняшний день весьма разнообразен и непрерывно пополняется новыми приемами, методами, технологиями воздействия на противника, доказавшими свою эффективность в реальных боевых условиях, – в первую очередь, в условиях Специальной военной операции (СВО) на Украине. Сегодня ни для кого не секрет, что для специалистов по информационным операциям СВО стала стимулом для разработки новых форм и методов борьбы и одновременно – уникальным испытательным полигоном для проверки этих методов на практике. Предполагалось, что новые методы обеспечат «эволюционный взрыв», «технологическую революцию», выход на новые рубежи в «покорении» глубинной, не управляемой сознанием, «темной» психики человека. Тем удивительнее осознавать, что на деле ничего подобного не произошло: напротив, начало СВО было отмечено не прогрессом технологий информационного воздействия, а их архаизацией. В самом начале СВО, когда многие полагали, что она продлится считанные дни или недели (вспомним «Киев за три дня»), тонкие и сложные, как

швейцарский часовой механизм, операции разведок оказались на периферии; их место заняла специальная пропаганда, дающая результат «в моменте» – здесь и сейчас, немедленно, – и фейки. Высокопоставленные офицеры западных информационных войск, по-видимому, полагали, что, пока разведки спланируют и запустят очередную оперативную комбинацию, СВО закончится, поэтому нужны инструменты, которые можно «успеть» применить по противнику. В результате в начале СВО наблюдалась такая отчетливая деградация форм и методов ведения информационных войн, что на горизонте уже реально замаячила перспектива вести информационную войну методами «каменного века».

Следуя заданному тренду на деградацию, в информационное пространство вбрасывались фейки – примитивные, буквально «слепленные на коленке», но продавливающие оборону своей массовостью. Деградация коснулась и качества самих фейков – было хорошо видно, что качеством пожертвовали ради количества. На первом этапе СВО это сработало: все российские специалисты, хоть краем уха слышавшие об информационной войне, бросились «ловить и разоблачать» украинские фейки, радостно отчитываясь друг перед другом и перед своим начальством о «разоблачении вбросов». В этом участвовали даже те немногие, кто знал, что такое информационные операции: вещать о фейках на федеральном телевидении или в телеграмм-каналах оказалось проще, чем участвовать в столкновении спецслужб, перехватывая их информационные операции. Однако к концу 2022 г., когда стало понятно, что СВО – надолго, информационные операции начали возвращаться в русло соперничества великих держав (РФ и США).

Пройдя через испытания 2022 г., когда нескончаемые потоки фейков, которые просто не успевали ловить, были настоящим кошмаром для специалистов по ведению информационных войн, терявших контроль над ситуацией, и 2023 г., когда в тренде оказались телефонный терроризм, поджоги военкоматов и участившиеся попытки перенести боевые действия на российскую территорию, Россия вошла в 2024 г., по-прежнему имея перед собой серьезного и системно организованного противника, обладающего собственной системой центров психологических операций, организованной в подвижную сетевую структуру, а также системой

подготовки кадров. В РФ же, на третьем году Специальной военной операции, по-прежнему нет ни того, ни другого.

***

Обращение к концепции гибридных войн позволяет яснее понять природу противостояния США и КНР, а также конфронтации «коллективного Запада» с РФ и облегчает структурирование многочисленных мер и контрмер каждой из сторон. Одновременно сами конфронтации интенсивно влияют на совершенствование тактик ведения гибридных войн. Поэтому анализ эволюции подходов РФ, США и КНР к ведению гибридных войн требуется проводить практически в режиме реального времени. При этом в ходе конфронтаций происходит обмен опытом ведения гибридных войн, заимствуются их формы и методы: так, США учатся «терпеливо» работать с таким «долгоиграющим» противником, как Китай, который предпочтет не ввязываться лишний раз в драку, отложив решение спорной проблемы на 50 или даже 100 лет, не давая симметричного ответа на гибридные провокации со стороны США; при этом сам Китай, имеющий свою концепцию «неограниченной войны», тем не менее «вестернизируется», копируя американский и, в большей степени, российский опыт ведения гибридных войн; Россия, противостоящая США, быстро накапливает опыт, «взламывая» американские модели и схемы информационных операций, и использует этот опыт для организации противодействия гибридной агрессии «коллективного Запада». Таким образом, в плане гибридных войн Россия, США и Китай представляют почти полностью сформировавшуюся экосистему, в которой соперники за счет асимметрии своих концепций гибридных войн фактически взаимоуравновешивают друг друга.

Литература / References

Бартош А.А. (2023). Вопросы теории гибридной войны. – Москва: Горячая линия – Телеком. – 324 с. [Bartosh A.A. (2023). Issues in the theory of hybrid warfare [*Voprosy teorii gibridnoi voiny*]. – Moscow: Goryachaya liniya – Telekom. – 324 p.]. (In Russian).

Герасимов В. (2013). Ценность науки в предвидении: новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий / Военно-промышленный курьер. – Москва. – 27.02. – URL: https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632 (дата обращения: 02.08.2024) [Gerasimov V. (2013). The value of science in foresight: new challenges

require rethinking forms and methods of conducting military operations [*Tsennost' nauki v predvidenii: novye vyzovy trebuyut pereosmyslit' formy i sposoby vedeniya boevykh deistvii*] / Military-industrial courier. – Moscow. – 27.02. – URL: https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632 (date of access: 02.08.2024)]. (In Russian).

Го Ф. (2023). Гибридная война в исследованиях ученых Китайской Народной Республики // Гражданин. Выборы. Власть. – Москва. – № 1(23). – С. 140–152 [Guo F. (2023). Hybrid warfare in the research of scientists of the People's Republic of China [*Gibridnaya voina v issledovaniyakh uchenykh Kitaiskoi Narodnoi Respubliki*] // Citizen. Elections. Power. – Moscow. – N 1(23). – P. 140–152]. (In Russian).

Го Ф. (2024 а). Особенности противодействия современным гибридным войнам в сфере внешней политики Российской Федерации: автореф. дисс.... канд. полит. наук. – Москва. – 32 с. [Guo F. (2024 a). Features of countering modern hybrid wars in the sphere of foreign policy of the Russian Federation: author's abstract of the PhD thesis [*Osobennosti protivodeistviya sovremennym gibridnym voinam v sfere vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: avtoref. diss.... kand. polit. nauk*]. – Moscow. – 32 p.]. (In Russian).

Го Ф. (2024 б). Особенности противодействия современным гибридным войнам в сфере внешней политики Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. – Москва. – 257 с. [Guo F. (2024 b). Features of countering modern hybrid wars in the sphere of foreign policy of the Russian Federation: PhD thesis [*Osobennosti protivodeistviya sovremennym gibridnym voinam v sfere vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii: diss.... kand. polit. nauk*]. – Moscow. – 257 p.]. (In Russian).

Данюк Н.С. (2018). Внешняя политика Российской Федерации (2000–2016) и феномен «цветных революций»: дис. ... канд. истор. наук. – Москва. – 312 с. [Danyuk N.S. (2018). Foreign policy of the Russian Federation (2000–2016) and the phenomenon of «color revolutions»: Ph.D. thesis [*Vneshnyaya politika Rossiiskoi Federatsii (2000–2016) i fenomen «tsvetnykh revolyutsii»: diss.... kand. istor. nauk*]. – Moscow. – 312 p.]. (In Russian).

Концепция внешней политики Российской Федерации. (2023) / МИД РФ. – Москва. – 31.03. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 02.08.2024) [The concept of foreign policy of the Russian Federation [*Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii*]. (2023) / MFA of the Russian Federation. – Moscow. – 31.03. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (date of access: 02.08.2024)]. (In Russian).

Стригунов К.С. (2023). Особенности современных неклассических войн: формы, методы, технологии: дис. ... канд. полит. наук. – Москва. – 285 с. [Features of modern non-classical wars: forms, methods, technologies: PhD thesis [*Osobennosti sovremennykh neklassicheskikh voin: formy, metody, tekhnologii: diss.... kand. polit. nauk*]. – Moscow. – 285 p.]. (In Russian).

Тавровский Ю.В. (2018). США – Китай: идет война гибридная // Независимая газета. – Москва. – 02.09. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2018-09-02/9107301_dipuschina.html (дата обращения: 02.08.2024) [Tavrovsky Yu.V. (2018). USA – China: there is a hybrid war going on [*SShA – Kitai: idet voina gibridnaya*] //

Nezavisimaya gazeta. – Moscow. – 02.09. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2018-09-02/9107301_dipuschina.html (date of access: 02.08.2024)]. (In Russian).

Цыганков П.А. (2015). «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова. – Москва: Издательство МГУ. – С. 5–28 [Tsygankov P.A. (2015). «Hybrid wars»: concept, interpretation and reality [*«Gibridnye voiny»: ponyatie, interpretatsii i real'nost'*] // «Hybrid wars» in the chaotic world of the 21 st century [*«Gibridnye voiny» v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka*] / P.A. Tsygankov (Ed.). – Moscow: Moscow State univ. publishing house. – P. 5–28]. (In Russian).

Cohen D. (2019). Behind a made-for-TV Hong Kong protest narrative, Washington is backing nativism and mob violence // The Gray Zone. – Hong Kong. – 17.08. – URL: https://thegrayzone.com/2019/08/17/hong-kong-protest-washington-nativism-violence/ (date of access: 02.08.2024).

Congressional budget justification: fiscal year 2021. (2020) / US Department of State. – Washington, D.C. – 10.02. – 140 p. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final.pdf (date of access: 02.08.2024).

Davis J.R. (2014). The hybrid mindset and operationalizing innovation: toward a theory of hybrid / US Army School of Advanced Military Studies. – Fort Leavenworth, KS. – 70 p.

Fouquet H. (2020). There's no proof to show Huawei was spying in Europe, France says // The Print. – New Delhi. – 31.01. – URL: https://theprint.in/world/theres-no-proof-to-show-huawei-was-spying-in-europe-france-says/357011/ (date of access: 02.08.2024).

German IT watchdog says «no evidence» of Huawei spying. (2018) // The Local. – Stockholm. – 16.12. – URL: https://www.thelocal.de/20181216/german-it-watchdog-says-no-evidence-of-huawei-spying (date of access: 02.08.2024).

Hybrid warfare: report. (2010) / United States Government Accountability Office. – Washington, D.C. – 10.09. – 28 p. – URL: https://web.archive.org/web/20210922212917/http://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/d101036r.pdf (date of access: 02.08.2024).

Hoffman F.G. (2007). Conflict in the 21 st century: the rise of hybrid wars / Potomac institute for policy studies. – Arlington, VA. – 72 p.

Joint statement on Hong Kong: fact sheet. (2021) / US Department of State. – Washington, D.C. – 20.01. – URL: https://www.state.gov/joint-statement-on-hong-kong/ (date of access: 02.08.2024).

Joint statement on human rights situation in Xinjiang at 47 th Session of UN Human Rights Council. (2021) / Government of Canada. – Ottawa. – 22.06. – URL: https://www.international.gc.ca/news-nouvelles/2021/2021-06-22-human_rights-droits_personne.aspx?lang=eng (date of access: 02.08.2024).

Liang Q., Xiangsui W. (1999). Unrestricted warfare. – Beijing: Literature and Arts publishing house. – 228 p.

Mattis J.N., Hoffman F.G. (2005). Future warfare: the rise of hybrid wars / US Naval institute. – Annapolis, MD. – URL: https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars (date of access: 02.08.2024).

Secretary General's annual report 2015. (2016) / NATO. – Brussels. – 128 p. – URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160128_SG_AnnualReport_2015_en.pdf (date of access: 02.08.2024).

Shepardson D., Freifeld K. (2029). Trump administration hits China's Huawei with one–two punch // Reuters. – London. – 16.05. – URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-china-trump-telecommunications/trump-administration-hitschinas-huawei-with-one-two-punch-idUSKCN1SL2QX/ (date of access: 02.08.2024).

Stubbs J., Chee F.Y. (2019). Britain managing Huawei risks, has no evidence of spying: official // Reuters. – London. – 21.02. – URL: https://www.reuters.com/article/us-huawei-europe-britain-idUSKCN1Q91PM/ (date of access: 02.08.2024).

The National defense strategy of the United States of America. (2005) / US Department of Defense. – Washington, D.C. – 24 p.

Trump's blacklisting of Huawei is failing to halt its growth. (2020) // Bloomberg. – New York. – 06.01. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-06/trump-s-blacklisting-of-huawei-is-failing-to-halt-its-growth (date of access: 02.08.2024).

US Quadrennial defense review report. (2010) / US Department of Defense. – Washington, D.C. – 128 p.

Wales Summit declaration issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. (2014) / NATO. – Brussels. – 05.09. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 02.08.2024).

Wintour P. (2020). US urges Britain to take another «hard look» at letting Huawei into 5 G // The Guardian. – London. – 14.02. – URL: https://www.theguardian.com/technology/2020/feb/14/us-urges-britain-to-take-another-hard-look-at-letting-huawei-into-5g (date of access: 02.08.2024).

Wàijiāo bù fāyán rén huá chūn yíng zhǔchí lì xíng jìzhě huì. (2021) / Embassy of the People's Republic of China in the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka. – Colombo. – 26.03. – URL: http://lk.china-embassy.org/fyrth/202103/t20210326_8909867.htm (date of access: 02.08.2024) [Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying hosts a regular press conference. (2021) / Embassy of the People's Republic of China in the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka. – Colombo. – 26.03. – URL: http://lk.china-embassy.org/fyrth/202103/t20210326_8909867.htm (date of access: 02.08.2024)]. (In Chinese).

«Zǒngtǐ guójiā ānquán guān xuéxí gāngyào» chūbǎn fāxíng. (2022) / The State Council of the People's Republic of China. – Beijing. – 15.04. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022–04/15/content_5685392.htm (date of access: 02.08.2024) [«The framework for the comprehensive national security concept» has been published. (2022) / The State Council of the People's Republic of China. – Beijing. – 15.04. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022–04/15/content_5685392.htm (date of access: 02.08.2024)]. (In Chinese).

DOI: 10.31249/ape/2024.04.03

Manoilo A.V.[1]

Features of rivalry between the USA and China in the information sphere in the context of modern hybrid wars

Abstract. *The article examines the features of rivalry (clash of interests) of two great powers – the United States of America and the People's Republic of China – in the sphere of information and hybrid wars, where the Russian Federation is also one of the influential players. The author notes that the United States is actually waging a hybrid war on «two fronts». in relation to China, the key instruments of the hybrid confrontation strategy are the US sanctions policy and related instruments of foreign policy pressure and blackmail; disinformation focused mainly on regions that are «problematic» for the PRC – the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Tibet and Hong Kong; material support for anti-government groups engaged in subversive activities. In relation to Russia, the hybrid war unleashed by the United States and its allies is based on a wide arsenal of forces and means of information operations, used in the context of the development of the situation in Ukraine, where Russia has been conducting a Special Military Operation since 2022, and China supports the position of the Russian Federation. The article indicates that the leading countries of the world – the USA, China, Russia – already have their own strategies for waging hybrid wars, which they actively use in the implementation of their foreign policy. In matters of conducting hybrid wars, the United States primarily relies on the concept of F. Hoffman and J. Mattis, Russia – on the so-called «Doctrine of Valery Gerasimov» (Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation), and China – on the autochthonous theory of «unrestricted warfare» by Qiao Liang and Wang Xiangsui, generals of the People's Liberation Army of China (the original concept of 1999, having a predominantly philosophical and ideological nature), which China is trying to combine with practical experience adopted from the Russian Federation and the United States. In general, it should be noted that, even without its own experience of offensive operations in the information sphere, China, with the support of Russia, at the*

[1] **Manoilo Andrey Viktorovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN; cyberhurricane@yandex.ru ORCID: 0000–0002–8142–9110

present stage is quite effectively restraining the hybrid aggression of the «collective West».

Keywords: *non-classical wars, hybrid wars, irregular wars, information wars, USA, China, countries of the «collective West».*

Статья поступила в редакцию (Received) 06.04.2024
Доработана после рецензирования (Revised) 25.04.2024
Принята к публикации (Accepted) 27.04.2024